

Анна
Аксельрог

Три
четверти
ТОНА

Рассказы

Анна Аксельрод
Три четверти тона
Серия «Проза времени»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42565655

Анна Аксельрод. Три четверти тона : Рассказы: «Время»; Москва; 2019

ISBN 978-5-9691-1881-2

Аннотация

В новую книгу врача-кардиолога Анны Аксельрод вошли рассказы, в основу которых легли непридуманные события из жизни друзей, коллег и пациентов автора, а также интересные семейные истории. Вчерашние воспоминания героев новелл, переплетаясь с повседневными сегодняшними реалиями, создают неповторимый колорит московского бытия. Тематически рассказы не связаны между собой, но, как бусины, собранные вместе, составляют единое разноцветное ожерелье под названием «жизнь». Все сюжеты, грустные или смешные, почти всегда позитивны и несут в себе одну главную идею – ценность каждого дня, который, непредсказуемо перемешивая наши мысли, поступки и чувства, делает человека пусть не идеальным, но настоящим.

Содержание

От автора	5
Три четверти тона	6
Shmidt & Wegener	6
Три четверти тона	10
Секс – наша работа	20
Про дровосеков	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Анна Аксельрод

Три четверти тона

© Анна Аксельрод, 2019

© «Время», 2019

* * *

От автора

Дорогой читатель!

Это мой второй сборник рассказов-новелл, который, как и первый, я сама отношу к жанру «записок на салфетках» за утренней или вечерней чашкой кофе. Он дался мне легче первого – наверное, потому, что нашел свой читательский круг любителей кофе без всяких претензий на серьезное слово «литература». К тому же мне очень нравилось, когда люди, читая некоторые новеллы, громко смеялись.

Я составила сборник по тому же принципу, что и предыдущий: его можно открыть в любом месте и начать чтение в любом порядке. В первый раздел вошли рассказы о том, что происходило сегодня с друзьями, коллегами и пациентами; во втором собраны старые семейные истории, дети, звери и ангелы-хранители. А в третьем представлены рассказы из моего предыдущего сборника «Я здесь живу», и включены они в настоящее издание потому, что мне трудно было с ними расстаться, – эти новеллы по-прежнему мне очень дороги. Написанные несколько лет назад, они рассказывают о том же, о чем и новые: жизнь иногда бывает несправедлива к любому из нас, но она все равно очень хороша.

Три четверти тона

Shmidt & Wegener

Вчерашнее рабочее утро легко встроилось в бесконечную осеннюю череду дней без солнца и тепла. Его разрезал телефонный звонок одного из тех самых любимых людей, которые раздаривают жизнь одним лишь звуком своего голоса. Бодрый голос Игоря Лебеденко вернул что-то очень важное в этот день:

– Анютка-Анютка! Слушай, мама Марины Ретинской хочет отдать старое пианино. Я подумал, может, ты захочешь его взять, позвони ей...

Мы с Мариной договорились на сегодня, закончив короткий диалог словами: «Это хороший дореволюционный инструмент, и никто из нас давно на нем не играет».

Маленькое электрическое пианино с наушниками, которое поселилось в коридоре квартиры на Гагаринском три года назад, было удобным и правильным. Примерно так же, как в старых квартирах Москвы иногда странным образом заводятся маленькие электрические самовары, выживая своих длиннотрубых медных прашуров из кладовок.

Когда-то в этой квартире жил его старый деревянный прашур по имени August Forster. Мой прадед подарил его моей

бабушке после войны, и Forster кочевал с Бабулей и Дедом из квартиры в квартиру. Forster пережил прадеда, и на его пюпитре мне выставляли вальсы Шопена, которые в детстве не приносили ничего, кроме огорчения: Третий, Седьмой и Десятый мне никогда не давались. И однажды я опозорилась перед нашим дальним родственником Мишей Кржижановским, потому что вальсы громко не удались при семейном прослушивании.

Через много лет не стало Бабули, и за настройкой нашего старого Forster'a мы почти перестали следить. В жизни поселилась суета и много важных дел вперемешку между домом и работой.

Однажды Дед, деловито бегущий за дешевым кефиром по пешеходному переходу на Пречистенке, не разошелся с троллейбусом. Так к череде важных дел прибавилось *самое важное дело*: Деду пришлось ампутировать одну стопу, пересаженный с бедра лоскут не прижился, а культя нагноилась. Деда одели в памперсы, и он почти все время спал. Однажды лечащий врач осторожно начал разговор:

– Вы сами врач и понимаете, что в девяносто пять лет его шансы невелики. А умирать лучше дома.

– Когда я могу забрать его?

– Когда хотите, в любое время.

Дед вернулся домой, не просыпаясь, и про воду в деке нашего Forstera уже никто не вспоминал. Через две недели вопреки всем уверенным прогнозам он начал узнавать нас

и различать сиделок по именам. Он потихоньку становился прежним Дедом, начал перечитывать библиотеку, но для оплаты сиделок квартиру на Гагаринском пришлось сдать и снять меньшую в другом районе. Так началась другая жизнь, в которой следом за Дедом в съемную квартиру покорно двинулись библиотека, старый секретер, буфет и деревянный пращур по имени Forster. Он совсем расстроился, и у него стала западать одна клавиша в первой октаве.

Дед прожил долгих восемь лет, из которых шесть лет прошли бок о бок с Forster'ом. Потом квартиру снова пришлось сменить, и нам не удалось разместить деревянного пращура в маленькой однушке. Я отдала Forster своему родственнику-реставратору и знаю, что он был идеально сделан и продан одной талантливой девочке в постоянное музыкальное услужение.

Я получила процент с продажи, когда совсем уже не вспоминала о нем. Мне было очень грустно, и на эти деньги я купила электрическое пианино правильных размеров, наушники и маленький табурет. Теперь оно рокируется с искусственной голландской елкой раз в году, с наушниками может не нарушать тишины, не имеет деки и никогда не нуждается в настройке ...

Марина продиктовала адрес: ее мама жила на улице Кржижановского, и я поняла, что пропала. Потому что такие совпадения бывают очень редко.

В хрущевке стояло старое дореволюционное пианино

Shmidt & Wegener, пережившее, наверно, много больших хозяйских надежд. Я рассеянно слушала Инну Ивановну, наигрывая этюд Гедике:

– Мы купили его у знакомых, когда купить новый инструмент было почти невозможно. Канделябры муж купил отдельно, потому что их не было, кто-то почему-то снял. Оно расстроено, и одна клавиша западает...

– Когда я могу забрать его?

– Когда хотите, в любое время...

Вечером, сидя с друзьями в ресторане «Эларджи» и мысленно двигая нового старого прашура по дому, я заказала себе два салата, рулет и запеченное яблоко с клюквой и на глазах у изумленных мужиков моментально все это убрала.

Я набирала текст. Двое мужиков, смеясь, рассказывали третьему, как ехали с женой одного из них и горничной в лифте гостиницы во Франции. Маленькая горничная с завистью смотрела на миниатюрную жену Макса Наташу и восхищенно переводила взгляд с двухметрового Макса на Андрея:

– Мадам! Вы одна с этими двумя!

В голове вальсировали по дому новый старый прашур и живая елка. Полбокала выпитого шардоне тихо напевали:

– Мадам! Вы одна! С этими тремя!

Три четверти тона

Тот ноябрь запомнился мне очень хорошо, потому что в один из серых промозглых дней мне случайно перепало старинное пианино с канделябрами. Я почти дала согласие забрать его не глядя, но в последний момент все же решила съездить и посмотреть. Мы с пожилой хозяйкой выбрали день и время по телефону. И после работы я вполне успевала заскочить на смотрины на улицу Кржижановского и сказать свое окончательное «да», не нарушая давних семейных планов.

За час до выхода на пороге моего кабинета вырос незнакомый мужчина лет пятидесяти:

– Здравствуйте! Мы записаны к вам на консультацию...

– На сегодня?

– Да.

Эх... Регистратура не предупредила меня об этой записи. И я поняла, что явно не успеваю: дед выглядит очень грустно, и все это сейчас надолго затянется.

– Пожалуйста, проходите.

Нда... Объемное образование в брюшной полости. Спаянное с петлями кишечника, как показывают результаты КТ. Потухший и сильно похудевший, судя по одежде и дыркам ремня, дед отвечает на мои вопросы. Очень напряженный и усталый сын молча слушает нас обоих. Через час дед садится

в коридоре, а сын возвращается на несколько минут обратно:

– Вас проконсультировал специалист одной из лучших онкологических больниц Москвы. Я очень уважаю это место. У вашего папы запущенный рак, судя по картине КТ. Моя задача подготовить его к операции: подобрать лечение мерцательной аритмии и сердечной недостаточности. Но радикальной операции, исходя из записей консультанта, не получится. А что еще сказали онкологи?

– То же, что и вы сейчас.

– Есть вариант получить фрагмент опухоли во время операции, то есть понять, откуда именно она растет изначально. А когда уже известен первичный источник, можно выбрать вариант наиболее действенной к нему химиотерапии.

– Они так и сказали...

Мы договорились о контрольном визите и расстались. Я уехала смотреть пианино и в тот же вечер пообещала пожилой хозяйке забрать его. Через неделю в доме появился новый деревянный жилец, бесцеремонно выселивший большой аквариум с рыбками на самое неправильное место под прямой солнечный свет. Я договорилась о встрече с родственником Денисом, профессиональным настройщиком.

Через четыре часа Денис грустно пил чай:

– Ань, зря ты мне не позвонила оттуда. Наиграла бы в трубку, я бы даже по телефону сказал тебе: не бери его.

– А мне нравится, правда!

– У тебя абсолютный слух?

– Нет, обычный.

– Ты слышишь, что оно настроено ниже, чем надо?

– Да, слышу.

– На три четверти тона ниже! И выстроить по-другому я не могу. Пока не отремонтирую его капитально, так и не смогу.

– Ничего! И пусть не держит строй долго – будет повод почаще встречаться!

Денис ворчал, что это неправильно.

Мы дружно улыбались и качали головами: нам все равно хорошо.

Так начались музыкальные вечера и нашествия по выходным. Друзья и соседи вспоминали классический репертуар музыкальных школ, городские романсы и даже танцевали вальс в гостиной. Конец ноября принес много новых консультаций на работе и несколько встреч с тем безнадежным больным по имени Владимир Алексеевич.

В декабре снова объявился его сын Алексей:

– Мы выписались. Операция не получилась совсем: все оказалось так сильно спаяно, что отца разрезали и зашили. Был консилиум в операционной. Даже фрагмент опухоли побоялись взять, сказали, высокий риск кровотечения...

Мне было жаль их обоих, и я старалась найти правильные слова:

– Вы сделали все что могли, Алексей. Я готова работать с

ним дальше, сколько бы ему ни осталось...

Субботние музыкальные вечера пролетали один за другим. Денис снова приехал подтянуть несколько звуков:

– Нда... Ну и ладно!

В тот же вечер мне пришло сообщение от Алексея:

– Я все понимаю, наверное, мой вопрос глупый. Но когда мы выписывалось, мне сказали, что отец проживет около двух недель. А прошло уже почти два месяца. И он говорит, что чувствует себя лучше...

Они приехали через два дня, и я увидела то, что совсем не ожидала увидеть: вместо постоянной формы фибрилляции предсердий на ЭКГ регистрировался синусовый ритм, одышка и отеки ушли полностью, а фракция выброса при проведении трансторакальной эхокардиографии перевалила за 50 процентов.

Дед упорно хотел жить. Сын Алексей попросил совета:

– Он и правда улучшился?

– Да, по моей части – безусловно. И я не ожидала, что он улучшится настолько.

– Он просто принимал все то, что вы назначили. И теперь я думаю, как быть дальше: не стоит ли послушать другое мнение. У вас нет связей за границей?

– Алексей, его консультировали очень знающие люди. Я их безмерно уважаю. Второе мнение можно найти и в Москве. Но ради того чтобы у вас осталось ощущение, что сделано все что можно, я попробую это устроить.

Январь промелькнул в поездках для нас обоих: я уехала на горнолыжный курорт во Францию с семьей, Алексей – в Барселону на мотоцикле. Мой коллега Павел Бранд прислал контакты для консультации в Израиле. Они предлагали точно такой же план обследования, который старик прошел в ноябре в одной из лучших больниц Москвы.

Мы с Алексеем перешли на «ты», потому что стали совсем легко понимать друг друга. Так понимают друг друга люди, привычно вкладывающие силы и деньги в явно убыточный проект.

– Тебе придется смириться с тем, что это финал. Он умирает. Понимаешь, Леш? Он скоро уйдет. И это нужно принять.

– Да. Но я хочу попробовать послушать еще кого-то. Потому что мне говорили про две недели, а он живет гораздо дольше! Мой приятель прислал мне список врачей, которых рекомендовали в Москве и в Израиле как лучших для его отца. У него была похожая ситуация. Там человек двадцать. Я ничего в этом не понимаю, ты не могла бы посмотреть?

Вечер ушел на просмотр списка с фамилиями и ссылками на сайты. Кого-то из них я знала, кто-то был мне совершенно незнаком. Имя «Вячеслав Иванович Егоров» не говорило мне ничего. Но ссылка на толковый рабочий сайт создавала впечатление о хирурге, как о живущем только своей работой.

– Леш, из всего, что ты мне прислал, мне больше всего понравилась информация о Вячеславе Егорове. Посмотри и

запишись на консультацию, там есть телефон.

Наутро от Леши пришло сообщение: «Слушай, я не могу дозвониться по ссылке. Но, судя по аннотации о нем в интернете, он еще и профессор в вашем университете. Может, найдешь его мобильный?»

Я поговорила с двумя коллегами-хирургами. Оба дружно кивали: он отличный хирург и нормальный мужик. И берется за тех, от кого отказываются во многих местах.

Через десять минут я звонила Егорову:

– Скорее всего, Вячеслав Иванович, мы зря беспокоим вас. И этот пациент действительно неоперабелен. Но это мои друзья, и у его сына должна остаться убежденность, что он сделал все что мог.

У нас быстро нашлась общая коллега и приятельница, с сыном которой дружит его сын. И разговор пошел легко. Через день Егоров сам перезвонил мне:

– Я посмотрел выписку, результаты КТ и протокол его операции. Я хочу попробовать оперировать его радикально.

– Радикально? Вы хотите сказать, что пойдете на резекцию кишечника? Не на забор фрагмента опухоли для химиотерапии?

– Нет, я попытаюсь радикально. Если не получится, возьмем фрагмент опухоли для иммуногистохимии. Как он по вашей части? Там ведь были инфаркты?

Через неделю я привычно снимала трубку и беседовала с

ним, давая ответы на вопросы анестезиологов. Заключение о возможности оперативного лечения, несмотря на высокий риск периоперационных осложнений, пришлось переписывать четыре раза.

Лешин водитель послушно приезжал за нужными бумагами...

Терапия быстро титровалась на ходу. Все результаты инструментального обследования говорили об одном: дед очень хочет жить. Вопреки всем прогнозам, стандартам и рекомендациям.

В день операции страх и совесть начали свою уверенную и беспощадную грызню: «Ты дура. Непроходимая. Ты должна была убедить Лешу, что сделать ничего нельзя. Дед умрет на операционном столе или в реанимации после операции. Леша напьется от горя и разобьется на машине. Егоров сильно расстроится. И во всем этом будешь виновата именно ты! Потому что, как всегда, влезла в историю, в которую не нужно было влезать изначально! На консилиуме принято решение: он неоперабельный больной. И теперь, когда оба они тебе уже не чужие люди, ты получишь по заслугам. И правильно! За свою подростковую глупость и вечное желание ввязываться в то, во что нормальные люди ни за что не ввяжутся, ты сама себя сожрешь!»

Совесть и страх пели дуэтом, как Полина и Лиза в «Пиковой даме».

Дед очень хотел жить. Он сам выбрал операцию, хотя ему

объяснили, что риск осложнений высокий. И теперь он молча ехал в операционную, потому что не хотел больше ждать.

Его сын Леша хотел напиться и не мог, потому что настоящим мужикам не положено этого делать в больнице в самый ответственный момент.

Я хотела напиться и не могла, потому что вообще пью очень мало и находилась в больнице. Потому что я там работаю.

Чего хотел профессор Вячеслав Иванович Егоров, я не знаю, но он был занят делом. И напиваться явно не собирался. На мой вопрос: «Как дела? Были ли осложнения?» – он ответил: «По вашей части все прошло ровно. Но мы прогнозируем, готовимся». Вечером Леша устало уехал домой на такси под мое настойчивое: «Выбирай: такси или Полина! Сам за руль не смей садиться!»

На третьи сутки дед ушел в отказ и не захотел бриться. На слова сына: «А Анна Сергеевна велела тебя побрить!» – он покорно сел в кровати и глаза его заблестели:

– А во сколько она приедет?

Через неделю все выдохнули. Включая буфетчицу, которая восхищенно смотрела, как Владимир Алексеевич с аппетитом уминает в больничной столовке очередную тарелку с едой и небрежно косится на стоящего в дверях Лешу:

– Представляешь, Леха... Впервые за последние годы я чувствую вкус еды!

Дед выписался. Леша озабоченно спрашивал меня, какая

машина у Егорова.

Я поговорила со своей коллегой Наташей Плаксиной:

– Ты не знаешь, какая у него машина?

– Знаю. И его летняя резина хранится в нашем гараже...

Я отписалась Леше. Его мгновенный ответ насмешил и напугал меня по-настоящему:

– У нее в гараже? Прекрасно! И ключ от гаража можешь достать?! Хотя можно и без ключа, подберем отмычку. Пусть Наталья даст нам фотку кода резины, я куплю такую же новую. Он обрадуется!

– Да ты что?! Нет, конечно!

Дома пианино привычно низко строило гармонию Седьмого вальса Шопена. На три четверти тона ниже, чем нужно. Неправильно и не по камертону. Строило так, что с ним абсолютно невозможно сыграть в четыре руки на другом рояле, которого нет и никогда не будет в гостиной.

За ужином я изумленно рассказала историю про гараж. И с еще большим удивлением увидела спокойную мужскую реакцию в ответ:

– Лучше ключ, конечно. А то вломимся в чужой гараж и оставим кому-то в подарок новую резину!

– Что значит «вломимся»? Ты о чем? Вы что, с ума сошли? Он же испугается!

– Почему это?

– Он оперирует. И очень устает! И решит, что купил новую резину и забыл про эту покупку! И будет переживать,

что чокнулся!

– Да ладно тебе. Просто ключ надежнее, конечно.

– Вы авантюристы! Самые настоящие! Оба! Но я – нормальная. Даже не думайте: адрес гаража я вам не скажу!

– Анечка... Тебе обидно, что мы не берем тебя с собой?

Ну хочешь, возьмем, постоишь на шухере?

В голове легко всплыл монолог Ипполита из «Иронии судьбы»: «В нас пропал дух авантюризма! Мы перестали лазить в окна к любимым женщинам!»

Через три месяца Леша с женой Полиной слушали Седьмой вальс Шопена в нашей гостиной:

– ...пианино сделано давно, судя по каталогу – между 1895-м и 1910 годом. Строй придется регулярно поддерживать. Ему очень требуется большой ремонт, и оно нестандартно настроено. Ниже, чем должно быть по камертону. Но я не жалею, что мы забрали его себе. Звук очень приятный. Хотя и неправильный...

Секс – наша работа

– Слушай, помоги с переводом моему ребенку, а! Чё-то не идет у меня!

Так мы с Сережкой Шорниковым много лет назад начали одно из ночных дежурств. Серега дежурил тогда в реанимации, а я – в отделении ИБС. Оба отделения были полупустыми, и мы с удовольствием погрузились в английский для Сережкиного сына, взяв себе по зеленому яблоку.

Вечер выдался спокойным: Сережку не вызвали вообще, а меня только один раз выдернул из ординаторской депрессивный пожилой джентльмен с просьбой дать слабительное. Перевод был кривым, мы с Сережкой уставшими, а Сережкин сын жалобно уточнял нам по телефону английские темы и времена, которые они уже успели пройти в школе.

За несколько часов мы вдвоем с Серегой смолотили десяток зеленых яблок, банку шпрот, пакет овсяного печенья и по тарелке больничных макарон, после чего приуныли. Потому что куража над детским текстом так и не случилось и перевод шел тяжело. К полуночи меня вызвала в коридор дежурная сестра Татьяна, которая осторожно спросила:

– А-а-а... Сергей Борисович уйдет к себе или здесь останется?

Спящие где-то внутри головы маленькие чертики осто-

рожно присели в кровати.

– Конечно, останется! А что?

– Ну мне же нужно закрыть дверь в отделение ... А он совсем до утра останется?

Чертики подпрыгнули и легко заплясали, отбивая такт хвостами:

– Ну конечно, до утра!

Давясь от смеха, я вернулась в ординаторскую. Серега бился над дурацкой идиомой, пытаюсь ее победить:

– Ты чего ржешь?

– Не-не, все отлично! Будешь еще чай?

– Ага, давай!

Перевод сразу пошел живее. Мы победили, что сумели, в детском тексте, и Серега ушел спать к себе, заботливо прокрадываясь мимо двери сестринской.

Ночь прошла без единого вызова, а наутро Танька осторожно постучала в дверь ординаторской. И искренне удивилась, найдя меня там одну.

Так я впервые обнаружила удивительную вещь: спящие внутри моей головы чертики делают реальность вокруг меня необыкновенно легкой.

Шли годы. Репутация не складывалась: работа и секс никак не пересекались. И чертики в моей голове годами дремали, почти не просыпаясь.

– Дорогая, тематика от пупка до коленки – это не твое, –

авторитетно заявлял мой друг Максим Бабаев, читая рассказ о том, как я случайно ворвалась в мужскую душевую в бассейне.

Чертики в голове почти потеряли надежду, как вдруг в жизни произошла приятная неприятность: мой старый «ниссан» стал ломаться и по количеству вложенных денег превратился в прожору. Подсчеты затраченных на ремонт средств за последний год ясно говорили, что разумнее взять кредит на покупку новой машины.

Утренняя конференция через пару недель после покупки новенького «мерседеса» приободрила меня. Откашлявшись, Димка Парфенов начал осторожно готовить меня к правде:

– Ань, тут такое дело, даже не знаю, как тебе рассказать...

– Ты о чем?

– Ну мужики на парковке дружно решили, что «мерседес» тебе подарили!

Чертики проснулись и счастливо завизжали, пускаясь в пляс.

– Господи, только не говори, что ты стал биться за мою девичью честь, Дим!

– Ну нет, побиться за твою девичью честь я не успел... В общем, если без подробностей, то я хотел рассказать про кредит, но успел сказать только: «Может, не стоит делать поспешных выводов...»

Чертики визжали от счастья, били хвостами, громко цокали копытцами и отплясывали жигу.

– Дим! Слушай, ну что ты за человек, а? Ну ведь большой уже мальчик! Ты пойми: у меня есть реальные шансы на *репутацию*!

– Ань, у тебя после новой машины вообще-то уже есть не шансы, а *репутация*!

– Вот! И не порть мне то, что нажито непосильным трудом! Поэтому я тебя очень прошу: если кто-то будет при тебе обсуждать мою машину, скажи правду! То есть дословно следующий текст: «Мужики, я точно знаю, кто купил эту машину, но поймите, сказать вам никак не могу...»

Про кредит знал шеф и, садясь в мою машину, с удовольствием кивал очередному онемевшему сотруднику: «Вы видите, Виталий Владимирович, какую машину Ане подарили?»

Чертики разучили джаз, привычно отстукивая ритм хвостом и цокая копытцами в длинных паузах. Маховик жизни раскручивался, чертики вприпрыжку бежали по нему, сменив жившую когда-то внутри головы белку в колесе.

Новое знакомство с коллегой-писателем Алексеем Моторовым принесло много старых и новых знакомых имен. На одной из фотографий мое внимание привлекла футболка с надписью «СЕКС – НАША РАБОТА».

– Футболка хороша!

– Да, все завидовали. Это мне подарила компания «Контекс», которая презервативы производит.

– Если подарят еще, дайте знать, пожалуйста. Я бы от такой не отказалась!

– Обещаю, если они возникнут еще, я с них стребую, будете так лекции читать!

Они не возникли, а Алексей Маркович пообещал мне футболку. Чертики в голове прыгали, как суслики, на месте и повизгивая верещали. Через пару недель, сидя в ресторане «Эларджи», я прижимала к груди коробочку с новой футболкой. А доктор Моторов неспешно рассказывал историю покупки:

– Знаете, я впервые был в магазине для взрослых. Размера XS у них не было, осталась одна такая футболка размера L...

Моторов легко уплыл вдаль. Чертики громко пели вдвоем, держась за руки. Один из них голосил: «Кто может сравниться с Матильдой моей!» Другой натянул на себя свободную футболку с надписью «СЕКС – НАША РАБОТА» и черные колготки.

Копытца легко спрятались в лаковые черные шпильки...

Про дровосеков

Иногда мне кажется, что само понятие «тепло» складывается из очень странных вещей.

Я уверена, что почти каждая женщина поймет меня. Потому что любой хозяйке дома знакомо то мучительное ощущение, когда ты выбираешь между неразвешенным бельем и опозданием в гости. А тем, кому оно незнакомо, я могу легко его описать.

Это то самое «твоюжежмать» – оно набирает обороты после одновременных: телефонного звонка пациента, прихода соседа «срочно посоветоваться про маму», сообщения на экране «Ну вы где?» и мужского «Анечка, нам пора, мы очень опаздываем!».

В машинке к тому же стираются детские джинсы, которые нужно повесить именно сейчас. А если их вешать после прихода из гостей, то к утру они точно не высохнут!

Стиралка честно семафорит внизу в прачечной, что отжигать осталось всего две минуты.

Сверху раздается громкое: «Анечка! Мы почти на час опоздали».

Телефон пишет, что анализы пациента готовы и их нужно срочно посмотреть именно сейчас.

Бормоча и выпуская в эфир это самое «твоюжежмать», я останавливаю кнопкой режим «отжим», дурниной ору туда,

наверх: «Ну сейчас!» – и дергаю дверцу машинки на себя.

И в этот момент происходит самое страшное и непредвиденное: где-то совсем недалеко, почти на поверхности ручки, что-то хрустит. «Твоюжежмать» укорачивается до слова из пяти букв, и я мрачно иду наверх.

Он спускается вниз и еще не понимает, что предстоит впереди. И мило бросает: «Ничего, зависла случайно, сейчас поставим на полоскание». И поворачивает крутилку, чтобы запустить новый режим. И добродушно улыбается в полной уверенности, что дверца машинки скоро откроется сама.

По пути к соседям моя совесть клыками пристраивается к мозгу, я осторожно заглядываю ему в лицо снизу вверх. То есть с высоты своих 156 сантиметров на недосыгаемую баскетбольную планку 202 сантиметра. И тихонечко готовлю его *к правде*:

– Наверное, я сломала дверцу...

– Почему?

– Я пыталась ускорить режим и, видимо, не вовремя потянула дверцу на себя!

– Сильно потянула?

– Как обычно потянула...

– Хруст был?

– Ну... наверное, был, и теперь придется вызывать мастера.

И в этот момент он говорит ту самую фразу, которая делает чувство вины катастрофическим и вселенским:

– Ты что? Я, инженер-конструктор и выпускник Бауманского университета, не разберусь в поломке стиральной машины? Не смеди меня!

Вечер прошел хорошо. Тучи сгустились уже дома, когда открыть дверцу безнадежно верещавшей стиралки пришлось при помощи чемоданчика инструментов.

Я тихо маячила у него за спиной, поглядывая снизу вверх на побагровевшую лысину.

Он сглатывал то ли «твоеужежмать», то ли те же самые мои пять букв, но вслух прорывалось только одно и то же:

– Анечка... ну уйди ты отсюда, пожалуйста! Не маячь!

Через сутки я откликнулась на призывы: «Запусти что-нибудь» и «Посмотри, что ты отломала». Мужская лапа дровосека широко машет на предмет его гордости: на внутренней поверхности дверцы в очень важном месте красовались два новеньких шурупа.

Я загрузила барабан и задумалась о своей фантастической способности менять реальность. В случае со стиралкой реальность изменилась очень сильно: к машинке стало непросто подойти. Стекло стояло выпуклостью наружу, внося свой явный и футуристичный вклад в модификацию пространства прачечной.

Совість зевала и неспешно рассматривала начищенные до блеска клыки в зеркале:

– Это все ты! Две минуты хотела сэкономить! Теперь пришлось дверцу собрать задом наперед! Иначе, видимо, никак

не выходило...

Машина съела гору темного белья и через полчаса громко оповестила весь дом о том, что ей по-прежнему плохо живется у нас. На дисплее морды она обиженно прописала ошибку с каким-то номером и верещала очень странно и непохоже на саму себя.

– Андрюш, она пишет какую-то ошибку!

– Видимо, протекла вода. Я собрал дверцу негерметично...

Я вытерла вытекшую воду под машинкой его же большим махровым полотенцем.

Он сосредоточенно снял дверцу и попытался положить ее наружной стороной на стол. Потом помолчал и задумчиво произнес:

– Так, погоди-ка, а откуда взялась эта ялда?

Тут я осторожно уточнила, правильно ли все поняла:

– Ты ведь специально перевернул стекло наоборот? Выпуклостью наружу?

Он сидел, а я стояла за ним. Его лысина снова побагровела, а плечи затряслись:

– Случайно, конечно! Ты чего? Почему специально?!

– Я подумала, что так непоправимо сломала дверцу, что пришлось перевернуть стекло. И уже смирилась с тем, что у машинки стало не очень удобно стоять...

Он долго ржал. И я не стала спрашивать, надо мной или над собой. А в голове крутился его же старинный друг Мак-

сим Алешин со словами: «Знаешь, Ань, ведь мы, большие мужики, все – дровосеки. К тому же Бауманка – прикольный колледж...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.